

С
А51

60-ЛЕТИЮ
КОРЯКСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА
ПОСВЯЩАЕТСЯ

Ю. АЛОТОВ

СЛЕГИ ЧАВЧУВЕНА

МУЗЫКАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКИЙ
СБОРНИК

Петропавловск-Камчатский
1990

Рецензенты:

члены Союза писателей СССР

Е. Коптев и А. Власов,

член Союза журналистов СССР

А. Долгов.

Музыкальные консультанты:

И. Остапенко, В. Шмагин.

Составитель Н. Беккерова

Сборник издается за счет средств автора. В его подготовке принимали участие сотрудники областного и окружного научно-методических центров народного творчества и культпросветработы.

Автор выражает благодарность отделу культуры Корякского окрисполкома за материальную поддержку в издании сборника.

Когда я познакомился с циклом стихотворений Юрия Алотова "Пророк", вспомнилось совещание молодых литераторов Корякского округа, проходившее в Палане в 1988 году, где я впервые встретился с автором. И руководители семинаров, и участники совещания тогда отметили характерную черту творчества Ю.Алотова — напряженные поиски ответов на непростые вопросы нашего бытия, углубленный взгляд в историческое прошлое своего народа. И эти свои, порою и горькие, мысли Алотов облекает в поэтические формы.

Мы в молчаньи, в горести

В кровь избитой совести,

Мы в терпении немотном

Да сквозь зуб со скрежетом

Терпим эту боль.

Носим чью-то Боль.

Конечно, придирчивый критик, воспитавший свой вкус "на классике", может усмотреть в приведенных строках стилистические и смысловые погрешности. Бесспорно, они есть в этом и других стихотворениях начинающего автора. Но нельзя, безусловно, не заметить самое, на мой взгляд, существенное — обнаженную душу автора. И это самое ценное. Только так, только обнаженная душа в состоянии воспринять страдания и боли людские.

И если судить по первым, пусть и не всегда совершенным по форме, стихотворным произведениям, легкого пути у Алотова не будет да и есть ли он у настоящих поэтов? Как уже давно известно, существуют два параллельных пути в мир поэзии: быть придворным поэтом, с восторгом выражать официальную точку зрения власть предержащих и, естественно, тем самым обеспечивать себе безбедное и сравнительно спокойное существование. Второй путь — тернист, путь утрат и обретений, конфликты с официальными установками, а значит, многотрудная работа души.

Звучал как колокол на башне вечевой,

Во дни торжеств и бед народных...

Мне кажется, Алотов избрал второй путь, и это отрадно.

Началось последнее десятилетие трагического и прекрасного XX века, века громадных утрат и обретений...

Думается, что Юрий Алотов, сын своего времени и народа, еще скажет полновесное слово, которое соединило бы людей любовью и милосердием.

Что грядущему мигу явлю —

Память святую, боль иль вину?...

И пусть эти заветы наших поэтов всегда и везде сопровождают молодого автора.

Вероятно, читатель, особенно молодой, с интересом познакомится с творчеством Юрия Алотова, найдет ответы на многие свои раздумья.

Е. Коптев,

член Союза писателей СССР.

Его голос слышат камни, и это не метафора — вы поймете это чуть ниже. Возможно, со временем эти камни начнут и рушиться, трескаться в ответ на песнопение поэта. Но у Алота, деда Юрия Алотова, и впрямь был громоподобный голос. Дед брал внука с собой в тундру, и там, далеко от Воямполки, он начинал петь — те древние, внушенные чуть ли не звездами, не самим Млечным Путем, песни. Юра, по просьбе деда, садился между двумя камнями и вместе с камнями слушал, как бы сейчас сказали, самодеятельное выступление деда. Он видел сам, как однажды, когда дед Алот пел, камни треснули. От резонанса ли? По иной ли причине? Но факт.

Так или иначе, Юрий Алотов понял, что слово человеческое сильнее атомных бомб. И он, подобно древним пророкам (это не натяжка рецензента, у Алотова есть целый цикл "Пророк"), взял с собой в жизнь единственное оружие своего рода — песню, напев без слов или со словами.

Два года, будучи очно незнакомы друг с другом, ни разу не видя друг друга, переговаривались по телефону. Беседы были длинные и, видимо, результативные, так как Юрий все более охотно писал после таких собеседований по телефону. А недавно он сообщил: засел за поэтическую трилогию. Ему оказалось всего мало: и того, что он пишет тексты для песен, и того, что сам сочиняет музыку и сам исполняет. И подстегнуло его успешное выступление на областном конкурсе бардов в 1989 году — он занял первое место. Так никому неизвестный паренек из далекой Воямполки, где население всего-то три сотни, подобно древнему спартанцу, вдруг, так вот сразу, стал известным всей области. Впрочем, у начинающего

поэта путь к славе свой. Гитара приносила ему известность и раньше. Его приглашают барды на свои всесоюзные сборы, правда, у него не всегда есть возможность откликнуться на подобные приглашения. Юрий Алотов работает связистом. У него пятеро детей, так что, согласитесь, дел и забот у него по горло, и надо сказать, приятных.

Итак, сначала я был знаком со стихами Алотова. А перед Новым 90-м годом познакомился и с ним самим. Я боялся встречи: вдруг внешность поэта разочарует меня. Но ничего подобного: поджарый, энергичный, с русско-корякской кровью, но больше смахивающий на коряка, он появился у меня в квартире с гитарой в руках. Он говорил только о стихах, только о болях своего народа — это был признак настоящего поэта.

Я думаю, что столь же приятным будет знакомство для читателей, пусть и заочное, с Юрием Алотовым — поэтом из небольшого, совершенно маленького, как корякское стойбище, села Воямполка.

Наверняка, заинтересует читателя "Водоворот":

Я ключом из тела сопки

Пролился в ладонь долины...

Стихи Юрия романтического склада, часто без привязки к местности, но вместе с тем за каждым из них чувствуется реальность описываемого события. Это было! Это переплавлено в строки. И вот, прочитав стихотворение "На могиле Беринга", узнаем, что Алотов был на Командорах — на самом краешке земли российской. Тема не новая. Но как разрешена она в данном случае? Мелодичное, напевное, стихотворение заканчивается неожиданной нотой: "Нет! Не зря он ушел от уюта и благ... В здешних делах обрел грубый, каменный стяг".

Алотов уходит от трафаретного, избитого решения темы, он по-человечески как бы говорит о флотоводце: "Этот берег позвал, неудачей стал. Не жалеет ли он, что далекий на острове склон теперь прахом его упоен?..." Можно сказать, что это своеобразный прорыв в неизведанное в теме Беринга. И тут он идет дальше поэтов шестидесятых и начала восьмидесятых, гребивших прямым, как выстрел в Афганистане, решением темы. Что ни говорите, а Алотов — поэт уже совсем другого поколения, которое, хочется надеяться, с большей ответственностью примется за решение накопившихся в стране проблем. Он проверяет себя миром природы, миром дождя, пурги. Командорский цикл довольно большой. В нем отразилась стихия островов, поэт не придавлен величию славы Витуса Беринга. И это несмотря на то, что "я ведь сам был взращен на мякине пустых слов и нравов" ("Самоваяние"). Поэт ищет. Он пишет и о том, что вовне, и о том, что внутри. Взором своим хочет проникнуть в историческую даль. И тогда рождается поэма о реке Воямполке, о Владимире Атласове, о взаимоотношениях местных и пришлых людей. Он обещает рассказать "про дедову жизнь". Что же, верим, что это будет замечательный рассказ. Ведь дед был и впрямь необыкновенный, раз даже камни не оставались равнодушными к его пению.

А. Власов,

член Союза писателей СССР.

ПРАВДА ЮРИЯ АЛОТОВА

Среди стихотворцев, и не только начинающих, есть поэты с заимствованными мыслями, образами, языком, интонацией — с заимствованной поэтической жизнью. Они как бы бо-

ятся быть самими собой. Такие умны чужим умом, лирически дерзки чьей-то дерзостью. Они и ошибаются-то, в точности копируя просчеты тех, кому подражают. И в этом их беда, а не вина, поскольку лишь считанные из них идут на подражательство сознательно. Подражательство рождается — почти всегда — от неопытности и невысокого уровня внутренней культуры либо от поэтической глухоты.

Юрий Алотов счастливо миновал эту зеркальную жизнь. Он в стихах — не отражатель, а самый что ни на есть живой человек, личность, у которой все свое — мировосприятие, образы, язык.

Молодой я. Ревниво, и молча, и эдак умно
Под неброской звездой,
В эту летнюю ночь почему-то одной,
Слушал голос, натруженный ношею прожитых лет...

(Слово деда)

Об искусности автора в технике стихосложения говорит ладная архитектура "Песни каюра":

Скрип. Скрип груженных нарт.
Трут полозья стылый наст.
Древний мотив зимней дороги,
Длинной, как скрип груженных нарт.

Даль. Даль снегов и гор.
Вновь с ней спорит вольный взор.
Древний мотив зимней дороги,
Длинной, как даль снегов и гор.

О многом рассказывают Ю. Алотову родная тундра, древний мотив, легенды стариков — аппапо. Обиды, боль, много-терпение корякского народа входят в сердце поэта и отлива-

ются в строки "Дедова правда", "Прохвост прохвостов", "Песня шамана" и др. Иные стихотворения так и называются: "Обида", "Чья-то боль".

В последние годы Ю. Алотова все больше интересуют эпические темы (цикл "Пророк", "Молитва перед сущим", "Жертва вождя"). Слово "очарованный странник", уходит он в глубины веков родного края... Вернувшись оттуда, рассказывает и рассказывает. Поет его гитара, звучит бессмертный бубен, несет людям правду поэта, правду корякского народа.

Юрий Алотов — поэт русскоязычный, но все чаще он обращается к родному языку, пишет на корякском.

Убежден: поэзия Юрия Алотова — явление незаурядное. Мы имеем дело со становлением национального поэта с неповторимым и сильным голосом.

А. Долгов,

член Союза журналистов СССР.

Часть I

ПЕСНИ

СЛЕД ГОМО

Спокойно
Em G7 Am Em Am

Я С ВЕТВЕЙ БЕРЕЗЫ ЧАХ-ЛОИ ЛИСТЬЕВ ГОРСТЬ, БЕДОЙ ПРОПАХШИХ,
НА ЛАДОНЬ ССЫПАЛ. СЛОВНО КАПЛЯ БОЛИ СТРАШНОЙ,
НА РУ-КЕ МОЕЙ О-ПАВ-ШИ - - - И ЛИСТ БОЛЬНОЙ РЫДАЛ.

Я ДЕРЖАЛ Е-ГО И СЛУ-ШАЛ ЖУХЛЫЙ СТОН О ЖИЗНИ
ЛУЧ-ШЕЙ, О ХМЕЛЬНОЙ ПО-РЕ.

КАК ХОТЕЛОСЬ СЕРДЦА СЛЁ-ЗЫ О-КРОПИТЬ НА СТВОЛ БЕ-
РЕ-ЗЫ - - - , ЖИЗ-НИ ДАТЬ КО-РЕ.

Я с ветвей березы чахлой
Листьев горсть, бедой пропахших,
На ладонь сыпал.
Словно капля боли страшной,
На руке моей опавший
Лист больной рыдал.

Я держал его и слушал
Жухлый стон о жизни лучшей,
О хмельной поре.
Как хотелось сердца слезы
Окропить на ствол березы,
Жизни дать коре...

А кругом стояла зелень,
И других деревьев тени
Мили тишину.
И сверкала жизнь в просветах,
И роса на томных ветвях
Славила весну.

Кто же этот Гомо-Ящер,
Пакостей грядущих прашур,
Здесь тропу набил,
Угождая зову чрева,
Равнодушно соком древа
Жажду утолил?

Видно, ген неистребимый
Душ ушербных, некрасивых
Носит его род...

Разве только в древе раной
Этот Гомо — Гость Незванный
Метил свой приход?!

Тундры даль и так, и всяко
Тракторным клеймена траком...

И боится взгляд
Мелководья рек коснуться,
В кедраче сухом запнуться.
Кто же ты, Гомо? Гад!

Я с ветвей березы чахлой
Листьев горсть, бедой пропахших,
На ладонь сыпал...

Слышать песнь природы древней,
Видеть жизнь в листве весенней
Гомо-Свин не дал!

ХОД ЛОСОСЯ

Белесой реки большая дорога.
Седых облаков вечный бег с нею врозь.
Где-то о камни ревущих порогов
Бьется на нерест спешащий лосось.

Зов предков упрямое будит стремленье —
Добраться до родины пахнущих вод.
И мозг рыбий гонит в голодном терпении
К местам, где продолжится древний их род.

И тихой протоки зовущая нежность
Должна охладить красноту чешуи.
И донного ила омытая брэнность
Давно ждет тела их в объятья свои.

И трав многоструйное колыханье,
На прахе их предков возросшая сень,
Там, в глубине, в полусонном старанье
Созвездья икринок в свою скроет тень.

И... вновь будет буйствовать миг нарощенья
Предвестников будущей рыбьей весны,
Для рода любого земного творенья
Закон Бессмертья извечно важен.

И миг сотворенья явившейся нови —
Мирриадами раз повторенная жизнь —
Есть в сути своей мирозданья основы —
Никем не разгаданный... анахронизм!

Белесой реки большая дорога.
Седых облаков вечный бег с нею врозь.
Где-то о камни ревущих порогов
Бьется на нерест спешащий лосось.

ЧАСТУШКА

Когда осенний светел день,
На речке все кому не лень
В сезон гольца, ломая лед,
Заводят сети.

В такой вот день три старика,
Из здешних мест наверняка,
Решили счастья попытать
В одной протоке...

У нас, где щедрый люд и край,
Случился, будто невзначай,
Такой Слюнявый Подмахнул —
Сама икота.

Его инспектор попросил:
Слетаем, братец, по ... Руси,
Где ваш рыбацкий "сабантуй"?
И он с охотой.

В такой вот день три старика,
Из здешних мест наверняка,
Решили счастья попытать
В одной протоке...

Реки синеющая даль
Для вертолета — не печаль.
"Ми-8" — техника-сюрприз
В любой "берлоге".

Не сразу вдруг обл-ав-рыбвод
В наш край собрал "Честной Поход".
Средь "стражей" — не судьбы каприз —
И наш Убогий.

В такой вот день три старика,
Из здешних мест наверняка,
Решили счастья попытать
В одной протоке...

Ведь не дурак. И был не пьян.
"Патриотизмом" обуян!
В иллюминатор, с высоты,
Узнал протоку.

Тех старичков наперечет —
Лишь по осанкам — прямо в лет,
(С соображенья красоты?)
Отдал "оброку"!

Смешной финал: наш винтокрыл
Вновь до поселка спешно взмыл
И там он сплюнул эту Слизь —
Дерьма Приварок.

А наши ... горе-рыбаки,
Те "браконьеры"-старики,
Штраф заплатили (все, кажись)
Без перепалок.

И на досуге меж собой
Гадают: кто же тот Косой,
Кто Стражам Рыбным их назвал —
Позору отдал.

А тот, уткнув меж гнутых ног
Глаза и мыслей тухлых клоч,
Давно не только их продал,
Он — совесть продал!

В такой вот день три старика,
Из здешних мест наверняка,
Решили счастья попытать
В одной протоке...

Морозец вряд ли мог сдержать
Их вдруг проснувшуюся страсть!
У нас гольца... - и то сказать:
Улов висо-оккой! *

ПЕСНЬ ШАМАНА

У подножья хребтов
Чистоту их Снегов
Вновь баюкает Ночь,
Звездной Темени дочь.

Спрятал Солнечный Дух,
Света вечный пастух,
Под вечерний парик
Дня ушедшего крик.

* Высооккой - намеренный камчадалский акцент.

До вершины моей
Я ушел от людей.
Мир их истин я знал.
Гнать их беды устал.

И последнюю песнь -
Не прощенье, не лесть -
Духам Вечности шлю.
Песнь мою. Не молю.

Жар костра нежит вдруг
Тени жилистых рук.
Холод Звезд над Огнем
Мрет в бессилье своем.

И усталости тень,
Вкруг спины и колен,
Жилы свила в аркан.
Гнет мой немощный стан.

Не вспугнет Бубна стон
Человеческий сон.
Там, внизу, - боль иль глушь,
Суету людских душ
Трогать песня моя
Не должна. С нею я
В Бездну Звезд упаду -
Там покой свой найду.

Силы Зла и Добра
Вновь скликала Гора.
Танец Вечностей Двух
Просит ложный их дух.

0-0-0!

... В Бездну Звезд упаду!

Там покой свой найду...

Allegretto

В ЗАКАТЕ БАГРЯННО-МОРОЗНОМ, СПЕШИЛ ОН НАМЁТОМ НЕВРОЗНЫМ. 3.

СЛЕДОМ, ЗА ЗАПАХОМ ПИЩИ ИХ В ТУНДРЕ НЕ СРАЗУ ОТЫЩЕШЬ. / ВЧЕ-

ЕДДА ДЕРЖИТСЯ ЗАПАХ ОЛЕНИНЫ. Но чу! Вон ту-да ВОЗ-ЛЕ-

МЕРЗАЛОГО ДЕРЕВА, ВДОМЬ ТЕ-НИ РАСПАД - КА СЕ-РО-ГО, ЗА

СОП - КУ У - КАО - НОВ Е - Ё НЕВЕЛИК РАЗБЕГ. ЗАПАХ!

ТЁП-КИЙ И ТЁП-АЫЙ! ПРО - НЕС ... ЧЕ - ЛО - ВЕК!

Вчерашней пургой "вороньей"
Приметы еды захоронены,
И даже след стада оленьего
Едва держит запах оленины.

Но чу! Вон туда — мимо мерзлого дерева,
Вдоль тени распадка серого,
За сопку (уклонов ее невелик разбег)...
Запах! Терпкий и теплый! Пронес... Человек!

Собратья поодаль скулили.
И слюни на мордах их стили.
Тоскливых зрачков танец голода
Роднился с подлунным холодом.
Злой зимой человек — тоже пища,
Когда ничего не отыщешь.
И Двуногий зря дразнит заботой
Этот час — Время Волчьей Охоты!

Припев:

Мир нескладной, давно уж озябшей луны
И белесо-студеной глухой тишины
Все взирал на зверей с безучастием жутким,
Вторя вою их эхом, единственно чутким.

Пусть Табу на человека
Знакомо от древнего века.
От предков завещано прахом
Вживать тот запрет! В гены страха!
Но мудрый инстинкт сохранения
Заглушен желудка гением.
И если б не нес Человек олененка!..
О если б не знать терпкий дух олененка!

П р и п е в :

Привычно добычу почуяли волки,
Что делать? Умеют упрямо и с толком
Догнать, задавить и сожрать всем скопом.
И неважно значение — людишко иль кто ты!

Зачем же Двуногий так страстно
С теленочком, в шерсти помятой,
По снежной равнине "елозит",
И в ущерб себе ношу не бросит.
А мать этой твари невинной
За стадом ушла следом длинным.
Средь стадных бывает резонным:
Молодые бросают рожденных.

П р и п е в :

И ты, Человек, можешь тешиться мыслью:
Съедобьем тебя, хоть неважным, но числят.
Здесь судьбами правит Закон меж волками —
Любне съедаются с потрохами.

Но что?! Вдруг передний споткнулся!..
И мир под луной содрогнулся...
И громом! По сопочным вехам
Проскакало вдруг гулкое эхо!
И... вот уж за третьим четвертый...
Лежит на снегу кочкой мертвой.
А пятый из стаи — последним был,
И его Человек не убил!

П р и п е в :

Тем пятым патроном среди людского стада
Пальнуть бы по нелюдям волчьего склада!
Кому любо вдруг сочным тенором взвять,
Завидевши жертвы беспомощный вид?!

... А этот Двуногий, спокойно
На волка взглянув, на покойных,
Изрек: "На ночь глядя — не дело!
Найдется кому их разделать..."
Неся на руках олененка,
Он думу додумал легонько:
"Ничего, малый, шкура — в порядке...
А стоянка вон там, за распадком..."

П р и п е в :

Мир нескладной, давно уж озябшей луны
И белесо-студеной глухой тишины
Все взирал... на грызущего мертвых собратьев,
Утверждаясь в неверности волчьего братства!

Умеренно. Em D Em D²

В до-ли-ну скатился блик свежей зари и замер на склоне вы-со-
кой горы. Кос-нул-ся теп-лом своим жухлой травы и древней бере-зы,
Е-е сонной листвы. Не спит на ветвях той бе-ре-зы кри-вой го-
ры властелин-старый во-рон слепой. Е-го облаков высота не зовет,
давно позабыт им беспечный полет. Он много летал, он
много прожил. Про-шедшего миг лишь во снах сохрани-... А. И
видится Ворону взлет в вышину, земли удаление и
крик в тишину. У-пру-гую си-лу кры-ла, бе-
зумная высь по-зва-ла! Рожденный летать, он
будет ле-тать, ле-тать, ле-тать/ 2. тать, ле-тать.

В Долину скатился блик свежей зари
И замер на склоне Высокой Горы.
Коснулся теплом своим жухлой травы
И Древней Березы, ее сонной листвы.
Не спит на ветвях той Березы Кривой
Горы властелин - Старый Ворон Слепой.
Его облаков высота не зовет,
Давно позабыт им беспечный полет.

Он много летал. Он много пожил.
Прошедшего миг лишь во снах сохранил.
И видится Ворону: взлет в вышину,
Земли удаление и крик... в тишину...

П р и п е в :

Упругую силу крыла
Безумная высь позвала!
Рожденный летать, он будет летать!
Летать!... Летать!...

Но камень замшелый, заросший ручей
Лишь помнят, как птица сорвалась с ветвей...
И... вместе с упавшей птицей стон
Беспомощной болью скатился под склон.

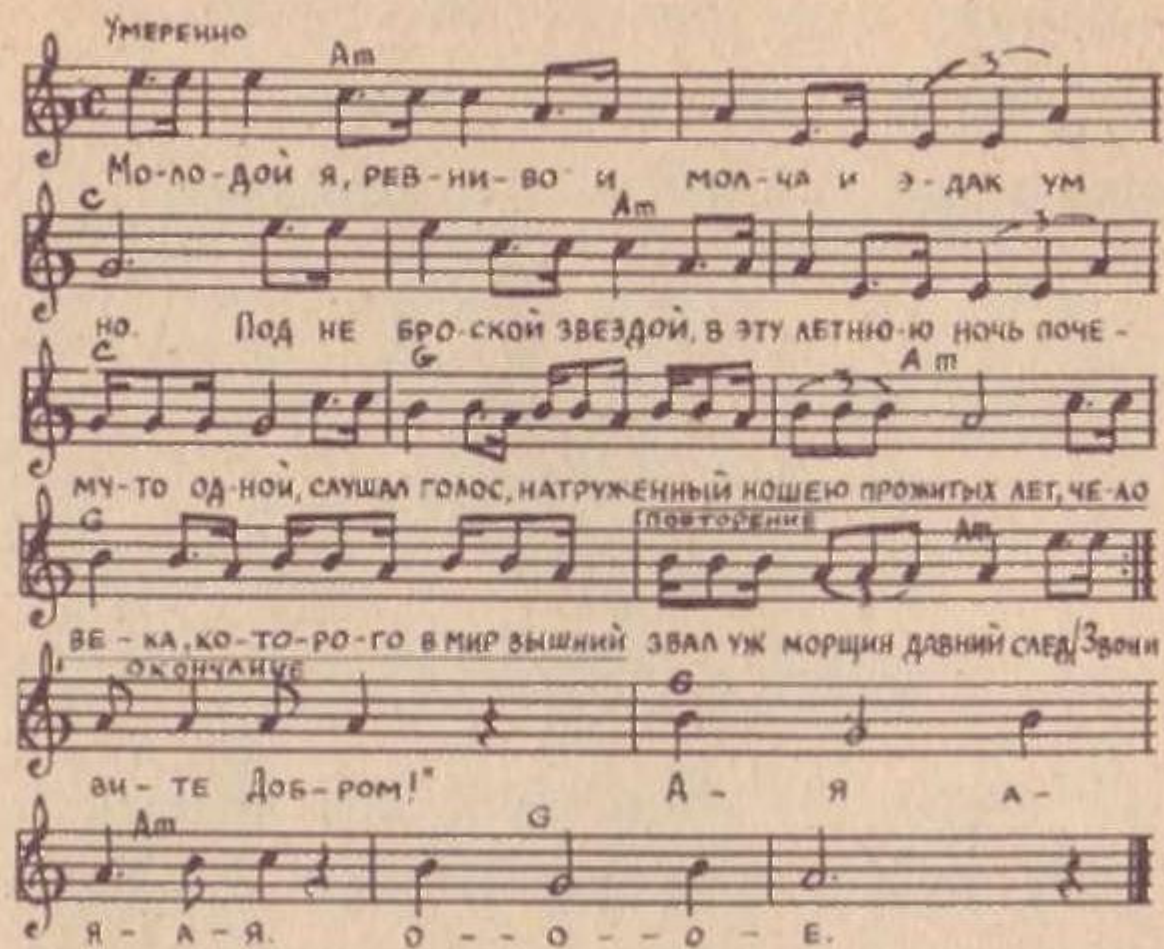
Роса травяная, зари пустоцвет
Глазницами Ворона тешат рассвет.
И рваной тенью угасшей поры
Рассыпаны перья по склону Горы.

И Ворон, коль Небо его позвало,
Раскинул в последнем полете крыло,
И... немощным хрипом пугая траву,
Он клювом щербатым зовет синеву.

П р и п е в :

В долину скатился блик свежей зари
И замер на склоне Высокой Горы.
Коснулся теплом своим жухлой травы
И Древней Березы, ее сонной листвы.

СЛОВО ДЕДА

Молодой я, ревниво, и молча, и эдак умно...

Под неброской звездой, в эту летнюю ночь почему-то одной,
Слушал голос, натруженный ношею прожитых лет,
Человека, которого в мир vyšний звал уж морщин давний след.

Звон и ропот реки под обрывом с неважной травой
Окунал нас двоих в свой прохладный недолгий покой.
Говорил он о разности вечных, не скрытых от взора начал.
Немудрено, но как-то особенно о Зле и Добре поминал.

Древний отсвет седин тронул волю и душу его.
 Был отмеренным слог. Он извилины мозга жалел моего.
 И дыхание мыслей он в ночь (иль в меня?) потихоньку ронял.
 Мне наивную "зелень", слов шалость (как внуку, конечно) прощал.

Лет небрежная поступь вспоила, подняла меня.
И дарит мне уж дедову мудрость моя седина.
И обрыв на рекой брезжит, словно дороги конец,
Зреет, словно для внука — всей жизни незряшной венец.

Я скажу о полярности скрытых от взора начал.
Я поведаю то, что из сущего Зла и Добра распознал.
Я свою и про дедову жизнь расскажу... не потом!
Предков Мудрую Волю потомку оставляю: "Живите Добром!"

СПРОШЕНИЕ

Не просто
Дерзай на земле человек.
На простынь
судьбы ты своей бросил дерзкий свой век.
Отринут
На крайность галактик ты был
От мира,
Где Разум Материй свой взлет совершил.
Однажды
Всевышних Совет волю рек:
"Пусть каждый,
Кто мыслит, как знающий тайну Пророк,
Забудет
Начало рожденья людей.
Средь сует
Сам Истину ищет сквозь мусор идей.
И может,
Случится, что он дорастет
До лжи,
Где в чаще громадной покоится, ждет
Вселенной Зародыш
С рекой пуповин.
В нетленной
Своей распашонке из древних картин!
Но рядом,
Где Чаша (в тени, у ворот),
Под окрадом
Свой камень оставит Недремлющий Рок,

И сразу
Спешащий споткнется, собьет
Ту Вазу,
К которой так рьяно стремил свой полет.
Польется
Река вдруг из Мозга и Ног!
Зальется
Тут хохотом громким Презренный Злой Рок!..
Не просто
Дерзай на земле человек,
На простынь
Судьбы ты своей бросил грешный свой век.
Не просто
На Крае Вселенной ты был заселен!..
Вопрос лишь: пройдя малый путь,
Ты на больший готов ли... умом?!

Часть II

СТИХОТВОРЕНИЯ

СЛЕГИ ЧАВЧУВЕНА

(Картина)

Долина дышит. Шорох ровный
Над телом тундры бродит вольно.
Белесый, мерзлый куст тальничный
Подернут скукою привычной.

Крутого берега безликость,
Средь белизны льда и сугробов,
Лишь воспеваает края дикость,
Природы девственность и робость.

И след — через снега — ладони,
Притихшее крыло метели.
К обрыву вышел, как на лоно,
И здесь привала миг отметил.

Костра умершие уголья —
Остывший дух тут Час проводших.
Таган в своей извечной роли...
Как будто ждут давно ушедших.

* Слеги — охотничьи лыжи, снегоступы (выражение, бытующее в среде охотников).

Но пик отметины бесспорной
На фоне древнего покоя,
Как символ воли неразорной,
Два слега тундру зрят в постое...

Ушедший просто знал — вернется,
Забот извечный круг заставит,
В нем снова дух дорог проснется.
Он вновь простору след оставит.

Он чист по сути. Прост в мечтаньях.
Он выше, чем мои дерзанья!..

ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

Вначале было слово!
Из Библии.

В изначалии самом рожденное слово
Там, в истоках Великой Словесной Реки,
Всем значениям нынешним дало основу.
Мы теперь говорим с чьей-то легкой руки.

Предок наш, наделенный немалым умением,
Воспевал, что однажды предстало глазам,
Под луною, под солнцем в самозабвеньи
Первый образ гортанный небесам...

А-а-а-ая! О-о-о-ое!

Крик птицы, рык зверя ему были ближе —
Понятней и проще их вольный язык.
Но что за мученье ниспослано свыше —
На звуках иных надрывать свой кадык.

Долина, река, горизонт воспаленный
Внимали в тот миг, когда Первый Пророк,
В свой мир неосознанно — яро влюбленный,
Натужно кривясь, сочинял первый слог:

А-а-а-ая! О-о-о-ое!

... Ищу среди разноязыких потомков
Носителя речи природы иной.
Но вот уж воистину — мир без пророков!
Едино Начало породы людской!

К устам человека припавшее время —
Те руки, принявшие роды Веков, —
На поле словесности бросило семя —
Святую Праматерь для всех языков!..
А-а-а-ая! О-о-о-ое!

ПУСТАЯ ПРОТОКА

(Из цикла "Пророк")

Я Пустую Протоку увидел своими глазами —
С прозрачной водою и нитями трав над камнями.
Но тень этих трав отливала давно не зеленым.
Лишь пусто и немо ласкала свой мир отрешенный.
Горб сонной поляны был тронут неважной травой.
Столбы вешалов будто мечены древней трухой.
То последняя скромных души и деяний обитель
Того человека, кто звался, как я, Здешний Житель.

Мой голос натруженный, жил мозговых хрип нервозный,
Отдай же на суд тем умам и сердцам слог тревожный,
К кому я взываю случайной строкою натужной,
Кому маета моя кажется просто ненужной!..

Не смею просить их ответственности чувств, содроганья.
Я запрет наложил на открытые, в голос, стенанья,
Я лишь только мгновенье сорву с их пустой суеты
И сюда призову на невинную роль понятых.

Говорить буду долго, размеренно, но непредвзято —
Многословие в данный момент непременно и свято.
Тот сумеет понять, кто за краткость своих сложных виршей
Был не понят однажды людьми, потому не услышан.

Разжую. Возложу мне понятное Истины Семя
По затасканным полкам привычностей. Жалко лишь время,
Убиенное на несусветную скуку людей,
Не спешащих внимать тем, кто грезит безумством идей.

На ступень моих грез мне б поднять планку общего мненья.
А потом той протокой пустой испугать удивленье,
Может, только тогда докричаться смогу: Здешний Житель!
От глухой пустоты охраняй ты свою же обитель!

Я Пустую Протоку увидел своими глазами...

.....

ДЕДОВА ПРАВДА

Печурка. Пламень. Треск поленьев.
И скука ночи над трубой.
В уюте сумрачном согбенный
Мой дед склонился надо мной.

Знакомый шорох. Бормотанье —
Смирила горечь доброта, —
Но до сих пор больною правдой
Беззвучный слог кривит уста.

Обида — память вновь рисует
Времен неправедных версты.
И Веру в Светлое шельмует,
"Вождя!" низвергнув с высоты...

Колхоз их крепким был да ладным.
Бухгалтер — свой земляк и брат.
Но вот в подпитии изрядном
"Большой Падеж" оформил брат...

В крикливом рвеньи председатель!
Начальник следствия спешил:

— Скажи — Вредитель?!
— Э-э!
— Предатель!..
— Э-э!
— Вот здесь бумажку подпиши!

... Подводой угнан в тот же вечер.
Каких же долгих восемь лет,
Совсем не зная русской речи,
В "Местах Иных!" провел мой дед.

Откуда ж знать потомку тундры
Об изощренной лжи людей?!
В те дни умели планов трудность
Покрыть потерей оленей.

... Года. Года. Давно остыли
Колхозной были свет и грязь.
Но время лозунговой пыли
Пустым огнем все метит нас.

Тот брат-бухгалтер — в ветеранах
Коммунистических идей...
А дед мой, с вечной в сердце раной,
И не читал его статей.

Он обречен на жизнь в молчанье,
Душа искромсана. Не встать.
Но не с руки, видать, сельчанам
Его больную правду знать.

Народ бухгалтерской льстит вере!
Льстит словоблудию его.
Людская совесть спит под дверью
У правды деда моего!..

Печурка. Пламень. Треск поленьев.
И скука ночи над трубой...

.....

ОБИДА

На своей земле,
У своей реки
Сидел абориген и плакал.
У камня на песок
Он горечь дум ронял
И слезы от чужих глаз прятал.

Ни ропот чистых вод,
Ни ветра вольный дух
Не охладят обиды рану —
На своей реке,
На своей земле
Он с некоторых пор незванный.

От века. От корней,
От пращуров он знал —
Река принадлежит их роду!
Ее крутой извив,
Проток прохладных тишь
И все, что в ней живет и родит.

Но вот пришел собрат —
Герой иных долин, —
"Сбратались!" — Будем ладить миром!
Зачем же ты, мой гость,
Хозяину жилья
Вменил своих "запретов" милость?

Быть может, Идол мой
И Бог души твоей,
Однако, где-то не сроднились,
Коль скоро твой Талмуд
И Мудрость здешних год
В стезях добра и зла не согласились?!

Я знаю, твой народ
Судит свое дитя
По Правилам своих законов!..

Но я — дитя не ваше!
Я — тундры здешней плод!
И жить научен по ее Канонам.

Ни разу из реки
Я лишнего не взял!
За лишнее — в убытке мое племя!
Откуда ж ты решил,
Что я Закон презрел?...
И взял я много? И не в свое время?

Мой Идол, дух речной,
Смеется надо мной:
"Ты рыбы хочешь?... Кланяйся "шерифам!"
Теперь даров моих —
На сытость зимних дней —
Щедрее справка "льготного тарифа!"

Сквозь слезы — горький смех:
Отныне не реке
Я должен бить челом благодаренья!
"Инспектор" от Рыбвод
Давно сравнивал наш род
С графой о "неучтенных нарушениях!"

Ни солнце в вышине,
Ни стаи гордых туч
Утешить не хотят обиды рану...
Мой идол — слишком прост!
Собрата Бог — неправ!
Но принялись судить меня на равных!..

.....
На своей земле. У своей реки
Сидел абориген и плакал...

ЛИРИКИ И РИФМЫ ПЕРЕХЛЕСТ

Я судьбой назвал звездность здешних рос,
Доброту долин. Теплый лик берез.
Сопок мудрый сон. Немоту их грез.
Донный взор озер. Чистоту их слез.

Я кустом души, корнем сердца врос
В вольный дух реки, в мытый ею плес.
Я сюда не раз грешной данью нес
Неурядиц груз, сует зрящих воз,

Мешанину дум, совести вопрос...
В закутке души, где царит хаос,
Обронил сей край тайный свой затес.
И тот знойный след, как хребта утес,

Окунул меня в звездность здешних рос.
Я судьбой назвал звездность здешних рос!

.....

ВОДОВорот

Я ключом из тела сопки
Пролился в ладонь долины.

Я речной прохладой робкой
Травяные мыл низины.

Я широкой, мощной волей
Волн Морских дышал на Небо.

Я унял земные боли,
Слив дождя сырую негу.
Я ключом из тела сопки
Пролился в ладонь долины...

ПЕСНЯ КАЮРА

(Картина)

Скрип. Скрип груженных нарт.
Трут полозья стылый наст.
Древний мотив зимней дороги,
Длинной, как скрип груженных нарт.

Оое-о, ое-ой!

Даль, даль снегов и гор.
Вновь с ней спорит вольный взор.
Древний мотив зимней дороги,
Длинной, как даль снегов и гор.

Оое-о, ое-ой!

Там, Там, где небо вниз...
Льет безбрежности каприз.
Длинный мотив зимней дороги
Прячется там, где небо вниз...

Оое-о, ое-ой!

НА МОГИЛЕ БЕРИНГА

В царство буйных ветров
Пущен был на порог.
Лысых, стылых холмов
Взгляд касался и дроз.

И туман приливной
Дальний мыс островной
Белой скукой томил.
Над его серым пузом парил.

Я из тех, кто не знал
Этих мест, и не жил
Средь прибоя и скал,
Их вражду не делил.

Я в одну верил страсть —
Долгой думой упасть
Там, где тешит плита
Изваянье немого креста.

Надпись в мрамор сырой
Вязью древних пера
Вплела дух вековой,
Льстя эпохе Петра...

За далекостью гор
Волн резвящихся ор
Заглушил шорох слов —
Этой каменной памяти зов!

Нет! Не зря он ушел
От уюта и благ...
В здешних далях обрел
Грубый каменный стяг.

И жалеет ли он,
Что не там схоронен,

Где друзей попросил,
Где потомки нарыли "могил"? *

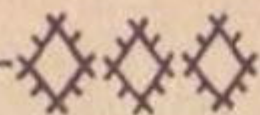
И жалеет ли он,
Что теперь уже крест
В быстротечи времен
Пялит в небо свой перст?!

Этот берег позвал —
Неудачей стал!
Не жалеет ли он,
Что далекий на острове склон
Теперь прахом его упоен?!

В царство буйных ветров
Пущен был на порог.
Лысых, стылых холмов
Взгляд касался и дрог.

Я в одну верил страсть —
Думой скорбной упасть
Там, где нежит плита
Изваянье немого креста.

* До сего времени не найдено захоронение В. Беринга (авт.).

Часть III

ЖЕРТВА ВОЖДЯ

ПЕСНЯ-ЛЕГЕНДА

В краях наших бытует несколько версий, объясняющих происхождение названия реки Воямполка. Одна из них гласит: "В некие давние времена – во времена Владимира Атласова – коряки, обиженные на казаков за непомерный ясак, собранный с них, устроили на реке (на склоне крутой сопки) засаду.

Когда "служилые люди" с собранным налогом сплыли вниз по течению этой реки в своих лодках, "камчадалыцы" забросали их "кочи" камнями. А тех казаков, кто пытался выбраться на берег, расстреляли из луков. После этой страшной трагедии на отмели реки еще долгое время выбрасывало трупы людей. Отсюда, по легенде, и прижилось среди местного населения название Воямполка – Река Утопших.

Живя в этих краях, являясь потомком тех предков, кто, может, воочию встречался с первопроходцами из России, я испытываю некое внутреннее противление доводам о коварстве и озлобленности земляков, населявших в те далекие времена наши земли.

Мои современники-коряки отличаются безграничным добродушием, человеколюбием и неосознанной тягой к доброжелательности в отношении к собрату любого рода и племени.

И версия о бойне, якобы учиненной моими предками на реке, не согласуется с этим, веками выработанным, характером.

И только поэтому я осмеливаюсь предлагать свою легенду. И делаю это, будучи в солидарности с теми романтичными умами, кто, подобно мне, питает слабость к героике и яркости.

Сами же старожилы объясняют название Воямпылк' но весьма прозаично. И с должной долей иронии воспринимают любые рассказы по этому поводу.

Ю. Алотов.

О край мой вольный и славный!

Достоин ли я петь твою песню?

Умею ли я слышать твою речь?

Знаю. Верую. Ты достоин не моего, но великого пера! Но коль дарил ты мне малость способности к стихотворству, дай же и смелости к легенде твоей, к правде твоей, к "окаске" твоей присовокупить и кроху думы моей, боли моей, мира моего...

Песнь первая

У ПОДНОЖИЯ ГОРЫ

Гора Черный Камень ждала поклоненья людей.
 Стекало к подножию время миллионами дней.
 Лишь толпы скорбящих светил и сырых облаков
 Гордыню Вершины все тешили вечностью снов.
 И шрам от забытой тропы, битой древней ногой,
 Упрямо взбегал к небесам, не мирясь с крутизной.

Ты, даль многотравная, нежишь в просторах хмельных
 Те правду и дух жития поколений былых:
 Крупицей, забытой, упрятанной, горькую боль
 Хранит в оперении Ворона древняя пыль
 С истлевших костей и с выбоин старых камней.
 Жива боль ушедших веков в думах нынешних дней.
 Ты, Ворон, паришь во владеньях вознесшихся душ.
 За долгий твой век ты, нам Предок, всемудр и всесущ.*
 Ты знаешь, в напевы мои голос дедов вплетен.
 В них зольный отлив и дыханье угасших времен.
 Пред взором твоим пусть взовьется камлання костер
 Под крики шамана, ведущего с духами спор.

* Здесь обращение к Ворону, как к прародителю рода коряков, ведающему все чаяния и перипетии их жизни (из фольклора).

Вещай ты мне, Ворон, а я свою "скаску" * спок
 О том, как Володька Атласов в камчатском краю
 Прославлен не только своими писаньями был.
 Почто не писал, как разор инородцам чинил?
 Когда на безвинных обиду и злобу срывал,
 Про зверя в себе беспощадного что не писал?

О песня шамана, слетевшая с Черной Горы,
 Все ищешь посредника – душу для зла, для поры,
 Когда семя зряшной обиды в сердцах прорастет
 И хрупкий, но святой росток замиренья ** побьет?
 Уже ль не изрек Вождь Колон у подножия Скал:
 "Мой род будет жить, если род мой пришельца признал"?

Песнь вторая

ДУМА ПАСТУХА ЧАВЧУВЕНА ***

На Жертвенном Камне, где лик крутолобой скалы
 Неистово точат речного течения валы,
 Рассвета Священного ждал молодой Чавчувен.
 И дух его чист был, безгрешен, но дерзновен.
 Лишь думы, о думы, рекою в разлив тишины
 Текут неприкаянно, волей мятежной полны:

* Ссылка на "Скаска..." Владимира Атласова.
 (Здесь и далее примеч. авт.).

** Имеются в виду достигнутые после первых стычек и переговоров перемирие и договор о беспрепятственном передвижении отряда Атласова через территорию коряков.

*** Чавчувен – оленный человек. Здесь – имя (чавч.).

"... Над стойбищем Третий Черед * наступил, как тепло
Сварливой пурги покрывало с земли сорвало,
Живое живущему дарит всю радость цветов,
Счастье цветения трав гонит зло холодов.
И черной Болезни крыло, вот уж Третий Черед
Не трогает племя скитальцев – Оленный Народ.

На Древнем Совете отважный, но мудрый Колон
Словесной дорогой долгой с вождями племен
Пришел к изначалию Истины мира и войн.
Вражду и набеги отвадил от рода Колон.
И вот уже долгий черед Холодов и Цветов **
Беду от соседей не носит дыханье ветров.

Но недобрым был знак в месяц буйно сошедших снегов,
Когда на тропе Длинных Гор вдоль собольих следов
Бежал россомахи проворной петляющий след –
Обоих дразнил, видно, запаха дальний навет.
Но хитрость лохматой поболе собольего ведь.
Ей, наглой и сильной, чего вдруг о чести радеть?...

Еще не ушло за хребты время темных ночей,
Как тундра нежданно приветила пришлых людей.
Не двое, не трое, а сразу отряд мельгитан ***
Оленной тропой пришел из неведомых стран.

* Черед – смена времен года. Третий Черед – третий год.

** Черед Холодов и Цветов – чередование зимы и лета.

*** Мельгитане – от корякского Мельгитани, о – Огненные люди, Люди Злого Огня. Здесь – пришлые.

Простили вожди на Совете ошибку снегам,
Пустившим Упрямо Идущих к чужим очагам.

Кто злей и упрямей, тот смерти желал чужакам.
Иные дивились смешным, незнакомым речам.
Тогда и изрек Вождь Колон у подножия Скал:
"Мой род будет жить, если род мой пришельца признал!
Отныне беда его – всех чавчуменов беда!
Хорош он иль плох, там покажет она же – беда!"

Зачем же неверием полнится гордая кровь?
Зачем подъясачная доля обидой заправила бровь?
Веленье Руки Государевой в тундру сошло?
Нет! Обман и недобрая сила посеяли зло!
Яныг'ав но эв'лай: "Мельгитани, о – нымелк, ин народ!" *
Но мехов многоцветие портит хороший народ!

На грех иль беду в закромах щедрых тундры и рек
Зверья небоязного, рыбы неловленной ввек?
Здесь злу, и добру, и богатству иная цена.
Иная, но меньшая, нежели царева казна.
Служилый Казак редко малую долю брал.
Да пришлый народ больше совестью здесь торговал!"

Песнь третья

СЛОВО ДУХА

Над юртой шамана парил теплый дым очага.
Сюда соплеменников редко ступала нога.
Он духов избранник. Но даже ему не всегда

* Правду говорят: "Пришлые – хороший народ!" (Чавч.).

Желают внимать Силы Неба. Большая Беда

Случиться должна, чтобы жители Верхних Долин

Сошли до желания бросить совет хоть один.

Уговаривал, злил, умолял Властелина шаман.

Ой, изрядно поил, улажал Властелина шаман.

Волей Зла и Добра исполнял танец вечностей двух.

Но лишь молча взирал на него несговорчивый Дух.

Уходя за пределы Вселенной, сказал: "Не судья

Деяньям людского отродья, поверь, даже я!

Пришелец на праве лишь гостя остаться не мог.

Да ихний Угодник прощает грехи им взалог.

Отныне, как плод прегрешений, всем пришлым в укор

Надолго призрел эту землю Великий Разор.

У далекой страны непомерно огромный живот.

Тому Чреву служить будет вынужден здешний народ!"

Но обида шамана упрямей, крикливее в ночь,

Когда мысли мудрой ответ гонит теменью прочь.

Лицо кровной мести горит в чаше жирной луны.

Стенания бубна желанием крови больны:

"О Силы Вселенной, скажите же, как поступить?

Неужто нам впредь перед силой покорными быть?"

Но вторит Вселенная эхом в ночи: "Не судья

Деяньям людского отродья, поверь, даже я!.."

.....

Песнь четвертая

КАМЛЕНИЕ ШАМАНА

"... Где неба безбрежность и лун всяких сходится свет,

Курится Долина Вселенной под бременем лет.

Под Тенью Священной, упавшей от Черной Горы,

Мой Дух-Покровитель разжег предсказанья костры.

Горящую Воду с одной чаши с ним я испил.

О бедах пришедших под знаком Огня говорил.

Коротко, неечно Служилого слово, как снег,

Хранивший до первой поземки Братания * след.

Забыл уговор казачишко: "По доброму жить!"

В угоду Престолу он Словом не стал дорожить.

Где обманом не мог, там он силой, напором берет.

Наши тундру и горы своею землей уж зовет.

Я вижу: в отсветах луны окровавленный воин поник.

Я слышу истерзанный болью земли нашей крик.

Пророчит лишь стон и проклятия пламя костра.

Стенания бубна отринули звуки добра.

Не может Обида без крови нездешних остыть!

Пусть духи не скажут, но мести над пришлыми быть!

Сегодня к Великому Камню ушел Чавчувен.

Камень Отмщенья пусть стронет с горы Чавчувен.

Стрелой и Копьем будет мечен Священный Рассвет.

Река долгожданную примет свою Иннелвет. **

* Исторический случай борцовского поединка казака с коряком здесь назван Братанием.

** Иннелвет — жертва, от "жертвоприношение" (чавч.).

Не зря, по преданиям, мутные воды сии
Рекою Утопших * называли предки мои.

От века до века в извечной войне средь племен
Разливу реки многий люд Черным Камнем дарен.
Не раз воин рода, своим угождая святым,
Обвалы срывал на спешащие мимо баты^{хх}.
И была неминуемой кара Священных Камней.
Пришло, видно, время воспеть опыт Древних Людей.

На Камень Отмщенья ушел Молодой Чавчувен.
Дух Праведной Мести пусть стронет с горы Чавчувен.
Не сможет Обида сородичей скоро остыть.
Чав'чыв'у^{ххх}! Быть мести над пришлыми! Быть!

.....
Нежданно, на хрипе, прервался камлавшего крик.
И ... сон к изваяниям сопок в тревоге приник.
Нырнул из-под купола юрты чужой силуэт.
Виденье? Иль правда? Иль сна непришедшего след?
Но темень накрыла ту тайну глухой тишиной.
Тревожно и зыбоко молчит предрассветный покой.

* Название Воямполка переводится с корякского как Река Утопших.

хх Бат — узкая долбленая лодка.

ххх Чав'чыв'у — чавчувены (коряк.).

ДУМА ПАСТУХА ЧАВЧУВЕНА

На Жертвенном Камне, где лик крутолобой скалы
Неистово точат речного течения валы,
Рассвета Священного ждал Молодой Чавчувен.
И дух его чист был, безгрешен, но дерзновен.
Лишь думы, о думы, вновь с сердцем затеяли спор —
Нет боли больнее, чем крови и разума ор:

"Слеза, ой слеза, ты неистова, жгуча и зла.
И ненависть буйная в обручи разум взяла. .
У Камня! У Камня я ждать стану Вечную Ночь.
Зарей под скалою нести будет водами коч *.
Всех наших недругов духи шамана велят
Отдать в жертву водам. Так духи шамана велят!

Не стойбище пришлый, а веру в него обообрал.
Забудь, Вождь Колон, как ты Словом пленился у Скал.
О добром начале пришельцев — пустой разговор.
За Долгий Черед нас впервые терзает Разор!
Шаману, избраннику духов, поверил наш род.
Тропою Отмщенья повел он свой Вольный Народ.

Я должен Обиду в крови этих пришлых отмыть.
Я знаю: быть мести над пришлыми! Быть!

.....
Но тяжело от мыслей, когда плачет старая мать.
О как ее боль может сердце палить и кромсать.

* Коч — большая лодка для передвижения по морю и большим рекам.

Мечется совесть от слов-причитаний ее.
И пламень сомнения ранит сознание мое.
О думы, зачем мне ваш ложный и суетный стон?
Мне сердце и кровь указуют Отмщенья закон!..

Песнь шестая

ПРИЧИТАНИЯ МАТЕРИ

Истошно рыдая, проклятия старая мать
Бросала другим матерям, народившим опять
Своих сыновей на заклятие новой Вражде:
"Кровавая месть вновь на праведном правит суде?!"
О племя воинственных, жаждущих мести мужчин,
Вы и в этой войне заронили Обиды почин?!

Мне двух сыновей подарил дух цветущей земли.
Мне дочь луноликую пурги в Ятамъян * внесли.
Познала я счастье всех молодых матерей,
Когда добрым словом ласкала любимых детей.
О Мать! Изначалие мира во чреве твоём!
Но мудрость родится спустя только в старце седом.

Вожди и шаманы лелеют не мудрость, но ум.
Лишь грубая сила — вот прихоть воинственных дум.
А мир, и добро, и несуетность сути земли
В глубинах их душ несозревших возрасти не могли.
И Высший Закон и Земли, и Небес — "Не убей!"
Неведом двуногим, назвавшимся Родом Людей.

* Ятамъян — большая юрта (чавч.).

О небо! Мне грех долголетия земного просить.
В заоблачный мир мне недолго осталось брести.
Сын старший уж ходит со звездами Верхней Тропой.
Дух Черной Болезни нежданно увел за собой.
Старик мой, охотясь, в лесах многоснежных пропал.
И младшего сына шаман на свой Камень призывал.

Сегодня прервется в семье нашей мужнина нить.
Мне выпала страшная доля детей хоронить!"

.....

Песнь седьмая

ЖЕРТВА ВОЖДИ

На Жертвенном Камне, где лик крутолобой скалы
Неистово точат речного течения валы,
Рассвета Священного ждал Молодой Чавчувен.
И дух его чист был, безгрешен, но дерзновен.
Лишь думы, о думы, рекою в разлив тишины
Текут неприкаянно, волей мятежной полны.

Но вырос у Камня нежданный Вождя силуэт. —
Виденье? Иль правда? Иль сна непришедшего след?
.....

Но голос Колона не сон. Он Веленье речет:
"Иди, Брат, там ... мать неутешная в стойбище ждет.
Не дело — в знак мести тебя буйной жизни лишить.
Не мудр я, решивший народ мой в Войне заложить.
Пришелец силен. И за ним его Громкий Огонь.
Могуч он страню, до нас протянувшей Ладонь.

... Нельзя, чтобы жизни святые своих и чужих
На откуп бросались за нищую сущность иных.
Всегда ли пришельцам дорожке не род, но меха?
Обидой ли мерить? Она как советчик плоха!
Но если нам миром подать свою руку им встречу —
Должны, наконец, пальцы в добром сплетении лечь!

Иди! Тебя мать неутешная в стойбище ждет.
Спеши. Дай мне зреть, как зарей день всполошный встает!"

.....

И больше ни слова не выронил гордый Колон.
В почтении тень его Камню дарила поклон.
Не ведал ушедший крутою тропой Пастух,
Как Вождь отдал водам шамана заносчивый дух.
Но род никогда не простит ему смерть Колдуна.
И Вождя ждет уж мир, где гуляет немая луна...

.....

"У рода, у жизни есть лучший, неведомый путь.
Но слово шамана кровавой лишь зрит эту суть.
Нет! Станет однажды священным закон — "Не Убей!"
Тем Высшим Законом. Законом для Рода Людей!"

Жилистых рук Воля стронула тень Валуна.
И... тело Колона накрыла речная волна.
Оленные Люди! Земли этой Вольный Народ!
Творит Бытие по-иному судеб Разворот.

Тот Русич-Казак, сам Атласов, назад не пошел!..
"От греха!" — Он на Кыге-Реке злую зиму провел^х.

И снова рассвет, будто кровью, поит горизонт.
Уж склоны объял обожженный зарей небосвод.
Гомон проснувшихся птиц дня начало творит.
И росною пудрой утро округу бодрит.
Прохладой омыло шершавого камня лицо.
Он, сонный, прервал своих древних видений кольцо.

О чистое, вольное тело цветущей земли!
Скажи мне, какие же силы тебя берегли,
Когда после тяжбы с холодной и длинной зимой
Ты вновь расцветала несломленной жизнью святой?
Ты летним живительным днем просыпашься вновь,
Когда ночь уходит за кромку далеких лесов.

* Кыга-Река — этническое название реки Камчатки.
Речь идет о вынужденной зимовке Атласова на полуострове, когда среди причин, заставивших его принять это решение, было и известие от юкагиров о том, что на обратном пути коряки устраивают засады на момент возвращения его отряда.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. ПЕСНИ.....	10
След Го мо.....	10
Ход лосося.....	12
Частушка.....	13
Песнь шамана.....	16
Пятый волк.....	18
Смерть Слеплого Ворона.....	22
Слово деда.....	24
Спрошение.....	25
Часть II. Стихотворения.....	28
Слеги Чавчувена.....	28
Вначале было слово.....	29
Пустая протока (из цикла "Пророк").....	30
Дедова правда.....	31
Обида.....	33
Лирики и Рифмы перехлест.....	36
Водоворот.....	36
Песня каяра (картина).....	37
На могиле Беринга.....	37
Часть III. Жертва вождя песня- легенда.....	40